

УДК 821.161.1

МОДИФИКАЦИИ СЮЖЕТА О БЛУДНОМ СЫНЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. СТАТЬЯ 1

© 2011 Э.А.Радь

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой

Поступила в редакцию 24 июня 2011 г.

Аннотация: В статье показаны вариации сюжета-архетипа о блудном сыне в произведениях литературы Киевской Руси – «Житии Феодосия Печерского», «Слове о полку Игореве», «Молении Даниила Заточника». Исследуется внутренний диалог с мифом в художественном воплощении проблемы «отцов» и «детей». Вариативность объясняется интерпретациями координат смыслового пространства.

Ключевые слова: сюжет-архетип, инвариант, вариант, конфликт, актуализация, модификации, миф, трансформация, диссоциация, сюжетная структура.

Annotation: The article shows the variation of the story, the archetype of the Prodigal Son in the works of literature of Kievan Rus – «Life of Theodosius of the Caves», «Lay», «Supplication of Daniel the Exile». We study the internal dialogue with the myth in the artistic embodiment of the problem of «fathers» and «children». The variability is explained by the interpretations of the origin of semantic space.

Key words: plot-archetype, invariant, variant, the conflict, actualization, modifications, myth, transformation, dissociation, plot structure.

Множество литературных произведений варьирует древний сюжет о блудном сыне, отражая представления своего времени и постигая конкретные жизненные ситуации. Процесс вариантообразования обусловлен хранением в «памяти культуры» смыслового инварианта – текста евангельской притчи, – который актуализируется и возрождается в контексте новой эпохи. В системе «высказываний» и действий, образующих текст притчи, заключены нераскрытые, закодированные смыслы. Текст инварианта указывает на смысловую неисчерпанность в художественном воплощении вечной проблемы «отцов» и «детей». «Подводная», подтекстовая информация позволяют индивидуальному сознанию «развернуть» содержание библейского произведения в варианты, по-новому расставив акценты на разных биографических эпизодах своих героев.

Сюжет-архетип, являющийся началом парадигмы сюжетных модификаций по сходству (наличие единого «гена» – мотива «отцы – дети») и различию, потенциально содержит в себе разно-

образие возможных интерпретаций всевременной темы. При сознательной и бессознательной перекодировке первоначальной модели в актуальный текст последний выступает в роли самостоятельного звена в системе сюжетных модификаций, открывает новые параметры авторского сознания и представляет новые художественные воплощения темы, отражающей конфликт поколений.

Скрытые смыслы, заключенные в координатах смыслового пространства инварианта, оживают при рецептивном осмыслении и художественном воплощении вечной проблемы и демонстрируют широту смыслового потенциала. Совокупность инварианта и максимального числа вариантов (модификационных моделей) позволяет говорить о системе, транслирующей и эксплицирующей смыслы, имплицитно присутствующие в инварианте.

Сверхличностная память коррелирует с памятью индивидуальной. Главный «ген» инварианта сохраняется в актуальном сюжете, чья жанровая принадлежность может быть разнообразной. Меняются и «результаты» разрешения конфликта поколений. Между актуальными моделями возникает корре-

ляция смыслов в плане совпадений и отклонений, отражая спектр возможностей функционирования текста инварианта. Текст евангельской притчи «вторгается» в новый структурный вариант благодаря мотиву «отцы — дети», актуализирующему в читательском сознании притчу без воспроизведения ее в тексте и разворачивающемуся в сюжетную ситуацию сотворения детьми собственной биографии (выбора) и несогласия с волей отцов (конфликта поколений). Так сюжет-архетип, расширяя смысловое пространство текста, становится метатекстом по отношению к другим моделям-вариантам.

Особенность метатекстуальной системы в системе — генетическая художественная предопределенность. С помощью «языка» инвариантной модели и происходит процесс варианто- и смыслопорождения. Вариантопорождение осуществляется как на сюжетно-мотивном уровне, ибо именно сюжет (в отличие от других уровней текста) наиболее открыт для любого рода трансформаций и диссоциаций, так и на повествовательном уровне. В «процедуре» вариантопорождения писатель чаще всего не сознательно создает свой текст по существующей модели, а наоборот, универсальная модель «живет» в области бессознательного, в его творческой памяти. Как отмечает Р. Барт, «искусство» рассказчика — это способность порождать повествовательные тексты на основе определенной структуры (кода)» [1, 387]. Таким кодом и является евангельская притча о блудном сыне. Существующая в русской литературе система модификаций одного сюжета-архетипа подчиняется одной и той же формальной организации. Сохраненный в «новом» повествовательном тексте основной «ген» модели сюжета-архетипа обнаруживает со структурной точки зрения присутствие нарративных категорий (конфликт поколений, мотив своеволия и др.). «Ген» как концепт конструктивен и образует концептосферу универсальной модели.

Элементы универсального сюжета связаны с другими элементами отношением корреляции. Ц. Тодоров отмечает: «Значение (или функция) того или иного элемента в произведении — это его способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами этого произведения и со всем произведением в целом» [1, 394]. Коррелируют пары: «уход — возвращение», «блуждание — возвращение», «отцы — дети», «грехопадение — покаяние», «воля — доля», «умирание — воскрешение», «часть наследства — расточение», «смирение — радость» и др. Таким образом, можно говорить о порождении совокупности парадигматических смысловых корреляций, обусловленной альтернативной возможностью, открывшейся сюжетной ситуацией выбора и имеющей для дальнейшего хода действия наиважнейшее значение. Предложенная жизнью в ситуации выбора альтернативность, в свою оче-

редь, образует дихотомию понятий: Возвращение: возвращение и не-возвращение; Покаяние: покаяние и не-покаяние; Вера: вера и неверие; Диалог: состоявшийся и не-состоявшийся; Земля: родная и чужая и др.

Возможная дихотомия предполагает подчеркнутую диалогизацию внутренней структуры нарратива инварианта. Поэтому в авторских текстопорождающих интенциях, направленных на отражение конфликта поколений, содержатся два сюжетно-смысловых плана: первый — реально-эмпирический план (уровень повествовательного текста и актуального сюжета) и второй — мифологический (уровень сохраненного в повествовательном тексте сюжета-архетипа). Мотив «отцы — дети» в нарративной структуре, развернутый в вариант конфликта поколений (этот мотив предполагает и бесконфликтные отношения, как, например, в случае со старшим сыном в притче), становится образом-метафорой, актуализирующим для читательского сознания семантическое поле мифа, вступающего в диалог с реальностью. Диалог актуального сюжета и мифа заключает в себе возможность трансформации мифического архетипа в разные (и противоположные в том числе) по смыслу образы. Эту возможность художественно реализует авторское сознание.

Представим примеры модификаций сюжета о блудном сыне, как образцы неявного, бессознательного воспроизведения евангельской притчи в древнерусской литературе, которым мотив «отцы — дети» передал конфликтность взаимоотношений поколений. Тематическая концепция данного мотива соединила тексты в единое смысловое пространство и осуществила связь времен, обозвав типологическое сходжение.

Парадигма сюжетных модификаций в древнерусской литературе выстраивается из произведений: «Житие Феодосия Печерского», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о купце, купившем мертвое тело», «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого.

При акте сравнения произведений сходное, как уже было отмечено выше, может быть сведено к словесной формуле: конфликт «отцов» и «детей».

В сюжете «Жития Феодосия Печерского» есть два знаменательных эпизода «реализации» первообраза: история отношений блаженного Феодосия и его матери и история отношений с черноризцем Федосьева монастыря. Первый эпизод представляет собой перевернутый вариант притчи о блудном сыне, в котором сын, «земной ангел и небесный человек», получивший высшее предназначение при рождении («Священник, взглянув на отрока, провидел сердечными оча-

ми, что смолоду тот посвятит себя богу, и назвал его Феодосием» [2, 307]), не понятый матерью, трижды уходит из дома не познавать соблазны жизни, не жить себе в «удовольствие», а спасти душу свою от грехов мирской жизни, с целью всецело служить «милостивому богу». Блудный (в восприятии матери) сын оказывается праведным, греховная обитель сменяется святой обителью старца, преподобного Антония, в лице которого Феодосий обретает духовного отца. Ситуация выбора складывается для матери Феодосия, настойчиво противостоящей стремлениям сына к религиозному подвигу. Бремя одиночества толкает ее на поиски сына, который при встрече с ней ставит жесткое условие: она получит возможность видеть его ежедневно, если пострижется в монахини и очистится от мирской скверны.

Духовно разьединенный с матерью сын «усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего» [2, 321]. Соединение сына и матери произошло: «Однажды пришла мать к Феодосию и сказала: “Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир”» [2, 321]. Не сын, а мать через покаяние проходит путь от греха к распознаванию духовного смысла человеческой жизни, обретению душевного покоя, к встрече с Богом в самой себе.

Во втором эпизоде Феодосий, исполненный святого духа и умножающий божественное богатство, выступающий в роли отца по отношению к чернорицам, в очередной раз проявляет смирение и мудрость. «Был там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью... И вот как-то... вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосий же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и вновь ввел в свое стадо (курсив наш. — Э. Р.)» [2, 361]. Радость духовного отца, ратующего за спасение души чернорица, никогда не гневающегося, не осуждающего, смиренного и милосердного, ассоциируется с возвращением блудного сына и радостью Бога-Отца.

Как видим, и в первом случае, и во втором содержатся элементы (комплекс мотивов — уход в мир, грехопадение, блуждание, возвращение, радость; отношения кровного и духовного родства), позволяющие сопоставить эти эпизоды с притчей о блудном сыне. Трансформация и диссоциация структуры первообраза, генетическое восхождение к мифу — свидетельство вариантотпорождения актуальных сюжетов с учетом

представлений времени. С целью удовлетворения общественных потребностей, идеологических, литературно-эстетических и нравственных запросов общества деятели литературы обращали пристальное внимание на определенные стороны общественной и духовной жизни людей. Из всего многообразия человеческой жизни избирались такие реальные ценности, которые особенно волновали историческую эпоху. Путь святости, праведности был требованием общества XI–XIII вв. Поэтому общей концепцией произведений Киевской Руси стала идея духовного единения «отцов» и «детей» и жизни по Богу.

На сюжетное сходство «Слова о полку Игореве» с притчей о блудном сыне впервые указал Б.М. Гаспаров [3, 298–322], акцентируя внимание на мотивах расточения отцовского имения, грехопадения, гибели/умирания, возвращения/воскресения, сопряженных с образом главного героя. Говорит исследователь и о нарушении завета о единении, выражением которого служит формула «все мое твое», о княжеских усобицах: «...картина княжеских усобиц, поднявшейся девы Обиды и гибели Русской земли имеет сложный подтекст, в котором контаминируются несколько различных, хотя и связанных между собой источников: Откровение и эсхатологическая литература, притча о Блудном сыне, молитва о сохранении единства и спасении тех, кто только что воспринял учение Христа (Евангелие от Иоанна). При этом все данные подтексты выступают в негативной функции: текст «Слова» строится как антитеза и инверсия выражений Священного Писания, к которым он отсылает читателей. За описанием реальных событий и типизированной дидактической картиной бедствий встает еще один, космически-обобщающий план, смыслом которого является невыполненное обещание, нарушенный завет и как следствие этого — наступление апокалиптических казней» [3, 305].

В нарушении запрета, вопреки великокняжеской воле отправляется в поход Игорь, князь Северский, проявляя своеволие, дерзость, отвагу и безрассудство, творя собственную биографию, добывая себе славы. Об Игоре в ситуации выбора говорится, что «ум князя уступил желанию». Так самовольный поход, поражение, осознание вины ставят героя в положение блудного сына по отношению к старейшему из русских князей, Святославу, названному в тексте «отцом» Игоря и Всеволода. Движимый жаждой воинской славы, гордостью, тщеславием (личностными амбициями), герой «отпадает» от отца и Бога-отца, за что и наказывается всевышним горькой судьбой — долей. Тема горькой судьбы Игоря и всей Русской земли представлена через развернутую в тексте тему плача (плач всей земли — плач Святослава — плач Ярославны) [4, 2]. Диалектическая диада «воля — доля», художествен-

но воплощенная в «Слове о полку Игореве», также отсылает читателя к мифологическому источнику и коррелирует с его структурой.

Традиционная система взаимоотношений «герой — властитель», расширяющая координаты смыслового пространства отношений «сын — отец», с ее причинно-следственными связями представлена как в «Слове о полку Игореве», так и в «Молении Даниила Заточника».

В «Слове Даниила Заточника, написанном им своему князю Ярославу Владимировичу» (первая редакция) [5], также представлен конфликт поколений, который можно охарактеризовать как мнимый, отражающий разное восприятие ситуации. Мотив «отцы — дети» реализован через иерархическую связь между участниками «диалога».

Прямое слово поставило Даниила Заточника в ситуацию блудного сына по отношению к своему покровителю, выступающему в роли отца не только Заточнику, но и всем обездоленным. Мысли («оковы сердца»), тревожащие Даниила Заточника, высказанные им князю Ярославу Владимировичу в прямой форме, «выталкивают» его из сферы первоначального положения. «...И закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета» [6, 100]. В русской и зарубежной литературе мы найдем немало примеров, когда прямота характера является причиной изменения жизненного пути героя. «Вина» Даниила, по его же мнению, перед князем, к которому он был приближен и которому верно служил, в том, что он был беспристрастен и независим в своих суждениях. В результате герой получает независимость от князя, в которой не нуждался. Разрыв отношений приносит последнему полное одиночество, незащищенность как физическую, пространственную, так и психологическую, и нищету. Мотив нищеты также сближает историю Даниила Заточника с притчей о блудном сыне. В обращении-исповеди к Ярославу Владимировичу заключена собственно человеческая потребность в установлении/восстановлении межличностных связей, т. к. нищета и одиночество обрекают Заточника на гибель. С другой стороны, желая быть огражденным «страхом грозы» князя, «как оплотом твердым» [6, 99], Даниил стремится к синтезу зависимости (он ищет общения с понимающим человеком) и потребности в свободе (в свободе мысли, в возможности проявлять свою индивидуальность). Причем подобное стремление направлено на достижение личностной гармонии и духовного единения.

Блудный/праведный «сын» испытывает потребность в князе-«отце». Человеческая потребность в отце как архетипическая психологическая потребность на уровне подсознания выразилась в системообразующих, ключевых, на наш взгляд, словах, основанных на христианской этике по-

ведения: «Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца (выделено мною. — Э. Р.)» [6, 100]. Даниил просит князя о милости, отеческом снисхождении и избавлении от бедности (эта просьба коррелирует с мотивом покаяния в евангельской притче о блудном сыне). А искать милости князя-отца — значит искать защиты. В структуре Слова/Моления мотив покаяния в «содеедном» отсутствует, ибо в отличие от блудного сына из евангельской притчи Даниил не грешил. Взгляд Даниила Заточника на самого себя: в его «поступках» нет греха, за который нужно было бы каяться и расплачиваться, нет сомнений в правильности или неправильности своих слов и действий. Его желание сводится к тому, чтобы устранить возможность принятия князем неверных решений. Всеми своими помыслами, всем сердцем он, «сын», вместе с господином своим, «отцом». Сказанное слово было во благо «отцу». Благо — в стремлении Заточника к доброй службе своему господину: «Хорошему господину служа, дослужиться свободы, а злому господину служа, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река, текущая без берегов, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить» [6, 102]. Философские размышления о жизни являются свидетельством желания свободы в чести и славе и собственно человеческой потребности в преданности (кому-то и чему-то). В словах и действиях Даниила Заточника выразилась преданность князю-«отцу» и общему делу.

Благо и в советах Даниила Заточника жить по Священному Писанию. Князь, нарушающий библейские заповеди, идущий по пути зла, будет сам лишен благополучия. В обращении к князю, к потомкам Юрия Долгорукого и ко всем князьям земли русской заключено и предостережение от ошибок: «Господи мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится» [6, 103]; «Да раскрою в притчах загадки мои и возведу в народах славу мою» [6, 99]. Жить по Святому Писанию требует эпоха — время войн и разрозненности. Духовное единение «отцов» (русских князей) и «детей» (дружины, думцев, слуг), проявление мудрости и верности есть гарантия силы Руси, мира и благополучия в стране. Недаром Заточник так часто в своем Слове/Молении использует афоризмы из книг Священного Писания («Псалтыри», притч Соломона и др.), из книги притчей Иисуса Сираха, обращается к «Повести об Акире

Премудром», «Стословцу» Геннадия, ему известны «Повесть временных лет», Владимирская летопись.

В «Молении» впервые в русской литературе затрагивается тема маленького человека. Как видим, судьба несчастного, обездоленного злая. Совершенное Даниилом («правда-матка») расценивается князем как дерзость, как негативный поступок, и князь выносит судьбоносное для Даниила решение – изгнание, обрекая последнего на нищету и одиночество. Мотив изгнания ассоциируется с определением «блудный». В коррелятивные связи вступают словообразы «дерзость – блудный сын – изгнание». Во власти князя – «казнить или миловать». Однако ситуация выбора сложнее и философичнее: либо поступать «по богу», следуя Священному Писанию, и нести добро, либо поступать «по дьяволу», не раздумывая о судьбе другого человека, о последствиях своих решений, и, в конечном счете, себе же во вред.

Так обнаруживается вселенское содержание библейской притчи, актуализация которой происходит в читательском сознании. Читатель не знает, чем закончилась в произведении история героя-автора. Но в безграничном его желании быть рядом с князем подтекстово заключен мотив возвращения, имеющийся в евангельской притче о блудном сыне. Подобная интерпретация объясняется наличием собственной позиции автора-героя, претендующего на положение умного/мудрого «сына». «Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе» [6, 102]. Функция «умного сына» позволяет давать советы, ссылаясь на Святое Писание, и определяет особость героя.

«Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает веками» [6, 100].

«Слово» написано по правилам эпистолярного жанра, не содержит сюжета с развитием действия, поэтому целый комплекс мотивов не получает своей развернутой реализации.

Как видим, внутренняя структура нарратива содержит два сюжетно-смысловых плана

(реально-исторический и мифологический, вневременной), отвечает требованиям эпохи, затрагивая вечные вопросы бытия. Модель «Моления» как звено в системе модификаций сюжета о блудном сыне несколько выламывается на фоне повествовательных текстов, что обусловлено спецификой эпистолярного жанра и существенными изменениями мотивного комплекса инварианта (присутствием целого ряда мотивов лишь в подтексте).

Во всех кратко рассмотренных в данной статье произведениях древнерусской литературы, посвященных вечным темам, обращение сочинителя к Священному писанию обусловлено его посредничеством между человеком и божественной мудростью. Поэтому при анализе мифологических влияний и повторяющихся тематических элементов в рисунке структуры постигнуть смысловые уровни текста помогают как историко-типологический метод, так и структурный метод, который оказывается весьма продуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. – М., 1987.
2. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. / Вступит. статья Д.С. Лихачева. – М., 1978.
3. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве» / Б.М. Гаспаров – М., 2000.
4. Ершова И. Эпико-героический взгляд на древнерусский памятник. / И. Ершова // Вопросы литературы, 2010, № 2.
5. Вторая редакция – «Моление Даниила Заточника». Даниил Заточник (XII или XIII в.) – один из самых загадочных авторов домонгольской Руси.
6. Изборник: Повести Древней Руси./Сост. и примеч. А. Дмитриева и Т. Поньрко; Вступ. ст. Д.С. Лихачева. – М., 1986.

Радь Э.А.

ФГБОУВПО «Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой», кафедра русской литературы, Кандидат филологических наук, доцент.
elza_rad@mail.ru

Radd E.A.

Governmental educational establishment of higher professional education «Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva», Department of Russian Literature, Candidate of Philological Science, Docent